

КАРТА УБИЙЦЫ

РЕБЕККА ТОРН

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т60

Rebecca Thorne
THE GRIEF HOUSE

Copyright © Rebecca Thorne, 2024

Торн, Ребекка.

Т60 Карта убийцы / Ребекка Торн ; [перевод с английского С. М. Саксина]. – Москва : Эксмо, 2024. – 448 с. – (Ток. Таро-триллер).

ISBN 978-5-04-196586-0

Блюбелл Форд – бывший таролог. Девушка помогла огромному числу людей, пока однажды не случилось страшное: Блю случайно убила человека... неправильно прочитав расклад на картах Таро.

С тех пор она изо всех сил старается жить обычной жизнью. В поисках себя Блю приезжает в пансионат «Болото надежды», где людям помогают справиться с душевными травмами. Недельный ретрит без телефонов и Wi-Fi в прекрасном загородном особняке георгианского стиля. Йога, арт-терапия и посиделки у камина – идеальная программа для обретения душевного спокойствия. Но все идет совсем не так, как она планировала. Наводнение, отрезавшее связи с внешним миром. Смертельный холод в нагретых помещениях. Двери, открывающиеся сами собой. Более того – один из постояльцев бесследно исчезает из пансионата, оставив телефон, с которым никогда не расставался.

И пока остальные изо всех сил пытаются делать вид, что все хорошо, Блю задается вопросом: кто из них скрывает мрачную, убийственно опасную тайну? И какова вероятность вернуться домой живой?

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Саксин С.М., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-196586-0

*Посвящается моим друзьям,
которые помогли мне встать
и идти вперед:*

*Кевину Уиноллу
Крису Уитейкеру
Тому Вуду
Саймону Кернику*

В данном аспекте любопытен вопрос веры, включающий и детскую веру в чудеса, и слепую надежду стариков; во всем мире нет ни единого человека, который ни во что не верит. Можно предположить — и не так-то просто это опровергнуть, — что люди верят во что угодно, невзирая на степень экзотичности.

*Ширли Джексон¹,
«Солнечные часы»*

¹ Джексон, Ширли (1916–1965) — американская писательница, классик литературы XX века.

Часть I

ШУТ¹

В «Болото надежды» Блю привело горе. Мать ушла из жизни почти три года назад, однако до сих пор было нелегко избавиться от ее глубоко укоренившихся привычек, поэтому Блю, как и она, дважды похлопывала себя по груди, проходя мимо кольца деревьев², приветствовала каждую сороку и избегала оживленных шоссе.

Над полями вдоль дороги парили крокусы, почва была насыщена беспрестанной моросью. Блю ехала не останавливаясь — только один раз справила нужду за массивным дубовым пнем — до тех пор, пока местность вокруг не стала равнинной, а север не остался далеко позади.

Блю еще никогда не бывала так далеко на юге. Из родного Блэкпула она выезжала не дальше Центральных графств, где когда-то устроила демонстрацию в старом театре шахтерского городка. Выступление организовала ее мать — как организовывала и большинство остальных до тех пор, пока Блю от них не отказалась.

Однако мать не сдавалась, называя это «призванием». Блю отвернулась от своего «призвания», отказалась от

¹ Значение в картах Таро: начало чего-то нового.

² Кольцо деревьев — элемент английского ландшафтного дизайна XVIII — начала XIX века, круг с посаженными в нем деревьями, как правило, буками или соснами.

«цели жизни», отвергла «благословенных дүхов» — и как только она могла так поступить?

«Думай о тех, кому ты нужна, — говорила мать. — Они надеются на то, что ты укажешь им путь».

Но Блю больше не могла никому указывать путь.

Сегодня была пятница. В понедельник исполнится ровно три года со дня смерти матери, и Блю по-прежнему ощущала в груди эту боль. Горе наполняло ее так, как вода наполняет легкие тонущего. На протяжении многих месяцев у нее из головы не выходила жизнь матери: та жизнь, которую она вела с дочерью, и другая, непостижимая и неведомая, которую вывела на первый план ее смерть.

Блю была переполнена горем, чувством вины, одиночеством, глодавшим ее изнутри. С этим не могло справиться ничто. И вот, когда на горизонте снова замаячила скорбная дата, она ввела в поисковой строчке в интернете запрос «где вылечить горечь утраты близкого человека» и обнаружила «Болото надежды».

Сайт заверял в том, что это спокойная гавань, где можно справиться с болью утраты — прогулки в лесу, легкая физическая активность, ежедневные сеансы психотерапии: в общем, безопасный приют.

...Вдалеке из топей появился силуэт, дразня обещанием жилья. Здешний ландшафт обманывал взор, скрадывая расстояние до здания; дорога петляла и извивалась, нисколько не ценя время Блю. Мимо мелькали поля: там брошенный прицеп, здесь старая жестяная ванна, используемая в качестве корыта для воды. Коров, овец и свиней не было видно. Ванна была переполнена.

«Болото надежды» сияло — светлые каменные стены служили маяком в серой дымке. Внешне здание напоминало скорее старинный особняк, чем приют: два этажа, окна с белыми переплетами, крыша, крытая темно-серым

шифером, и две дымящиеся трубы. Блю по-прежнему жила в крошечном муниципальном доме, доставшемся в наследство от Девлина. Она спала в кладовке у входа. Просторная спальня принадлежала матери.

Въехав в ворота, девушка проследовала по вымощенной гравием дорожке, обсаженной ольхой и березой. Промежутки между деревьями открывали вид на сорок акров поместья; вдоль левой границы извивался вышедший из берегов ручей. На прошлой неделе хозяева прислали ей на электронную почту напоминание захватить с собой резиновые сапоги.

Мистер и миссис Парк были фасилитаторами¹. Блю называла их хозяевами. Так это больше походило на увеселительную поездку, на обычный отдых. Мысль о том, что чета Парк — фасилитаторы, напоминало Блю, что это не каникулы, что ей предстоит работать над собой, а думать об этом не хотелось. Она опасалась, что если начнет об этом думать, то повернет назад.

Вот почему смерть матери оказалась такой жестокой.

Блю сбросила скорость до черепашьей. Зажмурившись, напомнила себе, что это необходимо, что без помощи не обойтись, однако сердце жужжало в груди словно пчела, а пересохший язык лип к нёбу. В ее горе вплеталось еще что-то, пустившее упрямые корни глубоко, словно бурьян, но Блю поспешила заверить себя в том, что это безопасное убежище, где не случится ничего плохого.

В комнате наверху горел свет, и у окна стояли две фигуры: белая женщина, черная женщина. Вторая промокнула глаза рукавом оранжевого джемпера. У Блю мелькнула мысль: она тоже гостя?

¹ Фасилитатор (модератор) — человек, обеспечивающий успешное групповое общение.

В другое окно открывался вид на лестницу и узкую полосу коридора. Кто-то стоял наверху спиной к Блю, и ей был виден лишь неясный силуэт, расплывчатое пятно светлых волос, голова, наклоненная так, словно ее обладатель подслушивал сквозь стену.

Перед домом стояла новенькая серебристая «Тойота Приус», заляпанная грязью. Справа от входа расположился черный «Рейндж-Ровер». Блю поставила свою машину, старенькую и выдавшую виды, под ольху, заглушила двигатель и вышла. Изменение звукового фона привлекло внимание женщин: они посмотрели вниз, отпрянули от окна, и через минуту входная дверь открылась. На пороге стояла одна из женщин. Блю узнала миссис Парк по фотографии на сайте: возраст пятьдесят с небольшим, мягкие черты лица, широко расставленные зеленые глаза и копна светло-русых волос, тронутых сединой. Женщина буквально излучала спокойствие — выражением своего лица, позой, тем, как она стояла, наблюдая с терпением профессионального педагога за тем, как гостя достает из багажника свой рюкзак, словно та была ее любимой ученицей, а не совершенно незнакомым человеком. Полная противоположность матери.

— Я так понимаю, вы мисс Форд? — Ее лицо согрелось сдержанной улыбкой, а морось украсила светлые волосы крохотными бриллиантами.

Блю почувствовала себя неопрятной; удобный спортивный костюм, надетый в дорогу, показался дешевым и грязным по сравнению с чистым льняным сарафаном миссис Парк. Смахнув с брюк засохшие крошки, она заправила за ухо выбившуюся прядь темных волос.

— Зовите меня просто Блю, — сказала Блю, стараясь показаться дружелюбной и надеясь, что хозяйка не будет настаивать на рукопожатии. Несмотря на то что прошло уже несколько лет с тех пор, как она перестала раскладывать

Таро, девушка по-прежнему старалась не прикасаться к рукам других людей.

Миссис Парк взяла Блю за плечо, и та даже сквозь толстовку ощутила исходящий от ее ладони жар.

— Добро пожаловать. О господи, какой необычный...

Блю опустила взгляд, так, что веки скрыли радужную оболочку глаз. Солнцезащитные очки остались в бардачке; она пожалела о том, что не держит их в руке. На языке уже крутились привычные объяснения, однако в отличие от большинства тех, кто впервые увидел необычные двухцветные глаза, миссис Парк смутилась, словно странной внешностью обладала именно она.

— Извините, я вас смутила. Как это ужасно, я забылась...

— Нет-нет, ничего страшного, все в порядке, — поспешила заверить Блю, однако взгляд по-прежнему держала опущенным.

— Пожалуйста, проходите в дом, там теплее и суше.

Глядя на миссис Парк, жизнерадостную и обходительную, Блю подумала, что, возможно, ей все же удастся здесь расслабиться.

Они прошли в прихожую, с вешалками и крючками для верхней одежды. На скамейке ровными рядами выстроились резиновые сапоги. В углу стоял черный чемодан, достаточно большой, чтобы вместить взрослого человека. Блю предположила, что он принадлежит женщине в оранжевом джемпере или мужчине, который стоял на лестнице.

Миссис Паркер провела ее в дом.

Зал оказался огромным, открытым, с лестницей в центре. Здесь действительно было сухо, а вот насчет тепла миссис Парк ошиблась: хотя обстановка создавала соответствующее ощущение — небрежно брошенные на диваны вещи, бархатные гардины, огонь в камине, — в помещении царил холод.

— У вас очаровательный дом, — пробормотала Блю, вспоминая вежливые фразы, которые говорят в таких случаях.

Миссис Парк улыбнулась в ответ, сморщив кожу в уголках глаз.

— Это георгианская эпоха. Мы постарались сохранить все как было.

Блю попыталась найти утешение в пламени камина и запахе дыма, однако холод крепко вцепился в кости.

— Позвольте проводить вас в вашу комнату, — сказала миссис Парк, — после чего я познакомлю вас со своим мужем и остальными гостями. Сюда, пожалуйста.

Блю поднялась следом за ней по лестнице, застеленной зеленой ковровой дорожкой. Пол на лестничной площадке был того же цвета, стены были более светлого оттенка, абжур также зеленый.

— Этот цвет успокаивает, — заметила она, поднявшись наверх. — По крайней мере, я слышала об этом.

— Ваша комната в конце коридора.

Блю проследовала за миссис Парк.

— Сегодня будет день отдыха: первый и последний день пребывания здесь всегда такие. — Миссис Парк проследила за тем, как Блю положила свой рюкзак на кровать; сумку с резиновыми сапогами она поставила на пол. — Пока что кроме вас здесь еще трое гостей — Сабина, Джего и Милтон. Еще один человек должен подъехать сегодня вечером, а последние двое присоединятся к нам завтра рано утром. Занятия мы начнем, только когда соберутся все. — Хозяйка застыла у окна с выжидающим лицом, словно собираясь услышать, какая комната хорошая.

В то время как в холле доминирующим цветом был зеленый, спальня была полностью белой. Цвет новых начинаний, цвет Шута. Блю никогда не умела раскладывать

себе. Она совершенно разуверилась в своих силах, однако вера матери оставалась непоколебимой, и она очень радовалась таланту дочери. Как и те, кому гадала Блю: они выслушивали ее — они испытывали облегчение, слушая ее рассказ о том, что показали карты, а это, в свою очередь, приносило облегчение ей; она думала, что делает в этом мире что-то хорошее, дарит людям радость.

Нет, белый цвет не приносит облегчения. Воистину, цвет Шута.

Миссис Парк склонила голову набок.

Одно из окон выходило на фасад, из второго было видно разлившийся ручей и густой лес.

— Вам нравится? — спросила она, как и предполагала Блю.

— Очень мило. — Какое имеет значение, нравится ли ей эта комната? Это дом миссис Парк. Ее мнение значит больше. Блю поймала себя на том, что ее гложет знакомый вопрос: «А что сказали бы карты?»

Но она завязала с этим.

Мать называла ее маленькой богиней. Последний приятель Блю (это было еще тогда, когда она пыталась поддерживать отношения) высказал предположение, что у нее *нейроразнообразие*¹, и это явилось подарком, это все объяснило, но затем именно из-за этого ее бросили, и она снова ощутила себя никчемной неудачницей.

Блю отыскала это слово в интернете. *Нейроразнообразие* — широкий термин, охватывающий все то, что, с ее точки зрения, было не совсем в порядке у нее в голове.

¹ *Нейроразнообразие* — концепция, которая в противовес общераспространенным представлениям о том, что некоторые расстройства нервного развития по своей природе являются патологическими, утверждает, что главной проблемой являются социальные барьеры.

— Что-нибудь не так? — спросила миссис Парк, и Блю очнулась от своих размышлений. — Понимаю, это пугает — приехать в такое место, — продолжила хозяйка, ошибочно истолковав ее временное отключение от окружающего мира как горе или страх, — но мы позаботимся о вас, обещаю! Это моя работа — ухаживать за людьми, помогать им. Внизу есть гостевая книга, можете сами прочитать, что про нас написали. Полагаю, это вас успокоит.

Она обняла Блю за плечи, как могла бы сделать любимая тетья, учительница или подруга, однако Блю не смогла бы сказать, какая из этих ролей лучше всего подходила миссис Парк. У нее не было тети, в школу она не ходила, а подруг никогда не имела.

— Итак, — сказала миссис Парк, — я оставила на комодке папку с информацией для вас. Как вам известно, здесь нет ни компьютеров, ни телевизоров, ни каких-либо электронных устройств.

— Да, знаю. Я оставила все дома — кроме телефона.

— Захватите его с собой, когда будете спускаться вниз. Я покажу вам сейф, и мы его уберем. Поверьте, это будет громадная разница.

Блю знала, что ей придется расстаться с телефоном. Странно было даже оставить дома переносной компьютер; утешала лишь мысль о том, что в «Болоте надежды» все равно нет интернета.

— Хорошо, — сказала Блю.

Кивнув, миссис Парк сказала, что будет ждать внизу, и удалилась.

Оставшись одна, Блю еще раз обвела взглядом свою комнату. Помещение было роскошным, очень далеким от всего, к чему она привыкла. Девушка подождала, когда на нее снизойдет обещанное ощущение уюта, однако комната упорно не выдавала его. Голые балки образовывали полосы

глубоких теней на высоком потолке, на котором не было ни паутины, ни даже пылинки. На зеркале не было ни единого пятнышка грязи. За окном виднелась ольха; ее сережки висели на ветвях обмякшими мертвыми пальцами.

Вдалеке через поле шел мужчина. Он нес под мышкой большую черную сумку, длинный тонкий чехол висел у него за спиной. Мужчина был выше шести футов роста и обладал шириной в плечах, его свинцово-серые волосы космами торчали из-под шапки. Блю предположила, что это, должно быть, мистер Парк, и мужчина, словно услышав ее мысли, застыл на месте. Он посмотрел на дом, переводя взгляд с одного окна на другое, в конце концов остановился на том, которое было над входной дверью, и выражение его лица изменилось. Блю показалось, что в нем проступила боль, однако она находилась слишком далеко, и полной уверенности у нее не было. Она постаралась убедить себя, что это было облегчение. А может быть, просто усталость. Подняв руку, мужчина потер переносицу, словно пытаясь избавиться от головной боли или нежелательного, неприятного видения.

Внизу зазвонил старый телефон.

ТРИ С ПОЛОВИНОЙ ГОДА

Телефон стоял на рабочем столе на кухне: бакелитовый, со спиральным шнуром и диском для набора номера. Звонил он редко, и Блю играла с ним; других игрушек у нее не было. Она не находила странным ни отсутствие игрушек, ни то, что, когда весь мир перешел на электронику, ее мать продолжала пользоваться телефоном, которому было уже больше тридцати лет. У нее не было знакомых семей, и поэтому она не могла ни с чем сравнивать.

— Соусница и ложка или две крышки от сковород? — улыбаясь, спросила мать.